

Сорок с лишним лет назад судьба свела меня с Михаилом Михайловичем Зощенко. Работая в Московском университете, я принял на себя трудноватую, но вместе с тем и увлекательную миссию пригласить нескольких ленинградских писателей в Москву для выступлений, а кое-кого направить и в другие города, чтобы собранные за выступления деньги выделить на путевки в дома отдыха нуждающимся студентам.

И вот я у Зощенко. Расписав наши цели и размах, я так, наверно, напугал писателя, что он тут же спокойно отверг мою идею:

— У вас мерило—Маяковский. А я-то—мрачный, с тихим голосом, какой прок от меня?

Заговорили о Маяковском, с которым Михаил Михайлович был знаком. Я не мог не поделиться с писателем тем, как Маяковский восхищался его рассказами. Тут кстати вспомнить и слова Маяковского, сказанные им на диспуте о советском иллюстрированном журнале: «...В разговоры о тираже я не верю. Покойное несчастье «Эхо», попади оно к Кольцову и Голумбу, не пошло, а побежало бы к читателю. Они бы ему ножки приставили! Зощенко разошелся в «Огоньке» в 2.000.000 экземпляров. Есенин—в 100.000. Зощенко, при некотором мелководье нашей сатирической работы, большой, квалифицированный и самый популярный писатель. Его нужно всячески продвигать в журналы, это делает «Огонек».

Я задал Михаилу Михайловичу наивный вопрос: знает ли он стихотворение «Фабриканты оптимистов»?

— Как не знать? Ведь там я упоминаюсь.

— А не знакомы ли вы с другим названием этого стихотворения?

— А почему другим?

— Второе — в афише: «Замуж за Зощенко».

Михаил Михайлович заулыбался.

В стихотворении речь идет о витрине фотоателье на главной улице Саратова. Рисуя быт мещан, поэт приводит такие слова:

И рисуется ее глазам уж,
что она

за Зощенку
выходит замуж.

Разговор о поездке продолжался с новой силой. Я старался нарисовать писателю радужную картину, снова напомнил о студентах.

— А встряхнуться для писателя чего-нибудь да стоит? Кстати, ваш товарищ по «несчастью» уже дал согласие — Михаил Ефимович Кольцов. Крепкий орешек, он притворился абсолютно бездарным оратором. Но чем больше он внушал мне это, тем крепче я наседаю на него: читает он по тексту и тема совсем иная «Женева—город мира». И я добился своего.

— А как же это будет — и он, и я?

— Это уж моя забота — между вами недельный интервал. И из пяти основных городов (Киев, Харьков, Ростов, Баку, Тифлис) у Кольцова первый отпадает. Он отказался, остря: «В своем отечестве нет пророков». Ведь Киев — его родина. Соглашайтесь, Михаил Михайлович. Будьте пророком.

— Вы меня почти уговорили.

Меня буквально захлестнула радость, и я с места в карьер приступил к составлению программы вечера:

— Сначала вы дадите немного биографии, расскажете о процессе своей работы, о специфике вашей сатиры. Отнимет все это минут двадцать пять.

Зощенко вздрогнул.

— Что вы, что вы, я столько не вытяну, да и неловко уделить столько внимания своей персоне. Остановимся реально на десяти минутах.

— В конце — традиционные записки.

Когда я собрался покинуть гостеприимный дом, хозяин неожиданно спросил:

— А чем вы могли бы объяснить вашу удачу? Сколько раз приглашали меня в поездки и сколько было различных соблазнительных вариантов, а я ни в какую, и тут вдруг чудо?

— Я, конечно, не колдун, но мне знакомы кой-какие секреты. Я просто верю в ваш литературный талант и не сомневаюсь в вашем успехе на эстраде.

У меня мелькнула мысль: а не передумал ли Михаил Михайлович? Вместо прямого ответа я пробормотал невнятно:

— Может быть, закрепить договором и поставить печать?

— Вы меня не поняли. Все это мне ни к чему. Меня вполне устраивает имя Маяковского, с которым вы были связаны, и

ЗОЩЕНКО НА ЭСТРАДЕ

Исполнилось 80 лет со дня рождения
Михаила Зощенко,
известного советского писателя,
блестящего юмориста и сатирика.
Его творчество
высоко ценили Горький и Маяковский,
исследовал Чуковский
и исследовал современные филологи.
Сегодня «Неделя» печатает
воспоминания о М. Зощенко,
написанные организатором
его литературных вечеров.

такое солидное учреждение, как университет. Я понимаю, как много положительного сулит мне путешествие, невзирая на трудности. Приятно, что студенты отдохнут и подлечатся. Да и сам я выеду в свет, побываю в местах моей молодости — я жил на станции Минутка под Кисловодском, работая контролером на линии Кисловодск — Минеральные Воды. Встречусь с сестрой в Харькове и, наконец, чуть-чуть разбогатею — тоже сгодится... Так что поехать стоит.

И в мае 1933 года я встречал Михаила Михайловича на Харьковском вокзале. В этот вечер предстояло его боевое крещение — придется выступать сегодня в одном из самых больших театральных залов Советского Союза.

...Итак, пора начинать. Около двух тысяч человек заполнили зал. У кассы толпа вызывает к севости и милосердию. Пожарные протестуют, они против безбилетников — и без того продали триста входных. Милиция на страже. Дирекция театра опасается за балконные перекрытия. Опоздание нарастает. Я стою за кулисами рядом с Михаилом Михайловичем и в третий раз напутствую его, напоминая уже отрепетированное. Первые три фразы, на мой взгляд, сразу должны были дать настрой залу: «Я родился в Полтаве (на самом деле он родился в Петербурге) в 1895 году»; «Мой отец—художник. Его картины имеются даже в Третьяковской галерее и еще в Академии художеств и в Музее Революции». Третья, самая неожиданная и невероятная, фраза: «Я переменил в жизни около двадцати профессий».

Ну, и тут же перечисление некоторых...

— Если вы сделаете такое вступление, — сказал я, — все пойдет крещендо. Вы на коне!

С этими словами я легонько как бы незначай подтолкнул писателя в спину, но он не шевельнулся. Тогда я отважился на более крепкие приемы — приналег грудью и пустил в ход обе руки. Главное, показать публике Зощенко. Раздался шквал рукоплесканий. (Эту историю, кстати сказать, описал Зощенко в одной из повестей, но, слава богу, без упоминания моего имени).

Когда овация стихла, Зощенко произнес отрепетированные магические фразы — медленно и четко, так же, впрочем, как он это делал и в жизни.

Лиха беда — начало. Вступление длилось около двадцати пяти минут. Снова аплодисменты.

И как мы договаривались, он начал с рассказа «Слабая тара».

Зощенко читал своеобразно и увлекал, несмотря на свой тихий голос. В нем не было ничего от артиста, но зато очень чувствовалась авторская интонация. Каждый рассказ он доносил до слушателя без потерь. Сам он почти не улыбался, а зал заливался смехом.

...А мы продолжаем намеченный маршрут. Из Ростова в Баку поезд должен был прийти в шестом часу утра, и мы рассчитали так, чтобы пораньше отойти ко сну. Но не тут-то было.

В вагон-ресторан я направился один, поскольку Михаил Михайлович, сославшись на отсутствие аппетита, отказался составить компанию. Вернувшись, я описал ситуацию:

— Народу нет, но они скоро начнут сворачиваться.

Забросив чтение, Зощенко спрыгнул с верхней полки и не спеша стал собираться.

— Не заказывайте рыбы, — предупредил я его. — Она ничего хорошего не сулит, не вздумайте прельститься.

Он кивнул и вышел. Вернувшись, снова устроился на любимой верхней полке, продолжал читать. Шли часы... И вдруг — о ужас! Тихий, сдержанный писатель застыл:

— Погибаю! Я съел рыбу!

В поезде я отыскал врача.

— Надо дотянуть до Баку, снимать с поезда смысла нет, — сказал врач. Он раздобыл кое-какие лекарства, советовал пить чай. Но улучшения не наступало. Всю ночь не спали.

В Баку с трудом добрались до гостиницы. По совету дежурной мчусь к авторитетному врачу. Разбудили старика, лишь только я назвал имя больного. Не прошло и десяти минут, как врач стоял у постели Зощенко.

— Необходимо срочно везти в больницу — тяжелое отравление.

На крыльце корпуса «приемного покоя» сидел сонный дежурный врач — молодой, красивый, с ассирийской бородой. Он читал газету.

— Кого привез? Что с больным?

— Это писатель Зощенко.

— Ты что, смеешься надо мной? Живо, настоящий Зощенко? Кошмарный сон! Всю ночь я читал Зощенко, чтоб не уснуть, и вдруг! Надо спасать больного, а то я сам умру...

Засуетились сестра, няня. Уложили больного. А он безмолвствует.

— Ты не волнуйся, — говорит врач Михаилу Михайловичу, — жить будешь, я тебе ручаюсь!

Меня удалили из кабинета. И теперь, стоя у крыльца, я вижу занятую картину. По двору бегут люди в белых халатах. Все зашевелилось — бегут посмотреть на знаменитость.

Через полчаса Зощенко был помещен в палату. Мечта врача попасть домой после дежурства развеялась, как облачко. Он остался на посту, покуда не привел Зощенко в чувство. А к вечеру снова явился в больницу, чтобы перевезти писателя в гостиницу. На фоне голодной диеты странно выглядела бутылка первоклассного вина, которую врач Рубен Аркадьевич прихватил с собой. Он уговорил своего подопечного выпить рюмочку — «никакого вреда, только бодрости прибавит».

На следующий день, 1 июня 1933 года, Зощенко должен выступить в оперном театре. Тут он мог бы и отказаться, но писатель решил быть героем до конца.

В зале бушевали южные страсти — лучше, чем в Харькове, так по крайней мере казалось. Больше происшествий в поездке не было. Но интерес к выступлениям писателя везде был неизменным, искренним и трогательным.

Павел ЛАВУТ.